

Сказки моей бабушки

Мысль написать вам у меня появилась после прочтения статьи в «Беломорской трибуне» №37 Анны Корчуевой «Поход за сказкой».

О себе. Я – внук Дементьевой Марии Владимировны Владимир Валентинович Миловидов. Семь лет живу в Финляндии. Являюсь гражданином России. Родился и всю жизнь прожил в Выборге. Но обстоятельства заставили искать работу.

В ответ на статью хочу сказать, что вырос на бабушкиных сказках. И мои дети слушали их с магнитофона. Теперь уже моя внучка замирает, слушая голос прапрабабушки.

Что я знаю о моей бабушке? Итак, Дементьева Мария Владимировна, 4 августа 1903 г. – 26 августа 1988 г. Родилась и похоронена в селе Вирма.

Родилась в бедной семье. Когда она рассказывала, какое имущество у нее было, я всегда недоумевал: как у бедной поморки могло быть столько лисих шуб, платьев, кокошников? И как корова стоила полтора рубля? Окончила 3 класса церковно-приходской школы. Правда, сколько лет эти классы длились, непонятно. Ее знания просто поражали. Бабушка легко вступала в любой диалог и была просто кладезем информации.

При установлении Советской власти в Вирме был создан рыболовецкий колхоз. Имущество, включая лошадей, коров, сани, коляски и лишние шубы, было сдано для национализации в Совет. Самое ценное – были сданы рыболовные сети. Центральная усадьба совхоза, видимо, находилась в Сумпосаде, а в Вирме бабушка была бригадиром.

Бабушка в девичестве была Филатова. Известно, что бабушкин дед Савелий Филатов был женат на карелофинке. Имя ее никто не помнит из-за сложности произношения. Проживали они в местечке Березовка или Бе-

резовое. Или, например, от финского Koivu береза koivikko березняк. И после смерти Савелия его жена с двумя детьми Михеем и Васисай переехала в Вирму. У Михея родился впоследствии сын Владимир. От его брака с Екатериной Федоровной Бахиревой родилось пятеро детей. Михаил, Дмитрий, Праксавья, Фаина и Мария. Двое из них являются сказителями севера: Михаил Филатов и Мария Дементьева.

Семья была зажиточная. Потом произошло разделение. Богатая половина жила на стороне у церкви. Бабушка оказалась в опале и жила на другой стороне, в бедной половине. Дед Михаил присмотрел бабушку еще с молодости и бил всех смертным боем. Не давал никому даже приближаться. Посему, к рассвету своей красоты Мария оказалась в вакууме и поневоле вышла замуж за него. Дед Дементьев Михаил Иванович (1895 – 1951 гг.), был тралмейстером. Семья кормилась морем. В войну дед имел бронь. Ловил рыбу для армии. Семья очень голодала, и дети были отправлены учиться в интернаты. Так моя мама оказалась в Выборге Ленинградской области.

У бабушки было 8 детей: Лидя (1925), Саша (1927), Рая (1929), Алексей (1932), Тамара (1935), Люся (1938), Лиля (1941), Виктор (1944). Пятеро живы и здоровы. Многие живут в Выборгском районе. Одна тетя живет в Ростовской обл. г. Новочеркасск. Когда звоню ей, очень рада и иногда читает мне записи с бабушкиными сказками.

В нашей семье хранится уникальный снимок, сделан он примерно в 1962 г. в Выборгском парке Монрепо, когда все дочери собрались вокруг матери.

Бабушка лето жила в Вирме, а зиму у нас в Выборге. Приезжала посидеть с внуками. Няничалась со мной. Каждый вечер рассказывала сказки и

вязала носки или свитера (привозила овечью шерсть из Вирмы). Иногда напевала песни, и мы засыпали под звук ее голоса.

Представляю, как она переживала о своем доме. Об овцах, оставленных кому-то на попечение. О пропущенном сенокосе. Но приезжала и отдавала нам тепло своего общения. Несколько позднее мы стали приезжать к ней на лето.

Помню, бывал у нее Иван Севастьянович Меркурьев со своими студентами, издавший словарь «Живая речь кольских поморов». Этот словарь был подарен бабушке с дарственной надписью автора. Словарь И. С. Меркурьева рассказывает, что значило выражение «ветренный человек» у поморов? Представьте, совсем не легкомысленного человека, а человека, приехавшего на лодке, с ветром, то есть приезжего гостя. Поморы так и говорили: «Ветер шелоник – на море разбойник». Жизнь поморов во многом зависела от того, насколько ласковыми и дружелюбными были ветры.

Каждое лето у бабушки останавливались экспедиции, и записи сдавались в Академию. Затрудняюсь точно сказать, как она называлась, сейчас это Пушкинский дом. Приезжали люди с магнитофонами и писали ее рассказы. Причем если ей говорили, что такую сказку она рассказывала, ничуть не смущаясь, начинала новую. Иногда позволяла себе шулиганить. Спеть какую-то частушку или рассказать стишок.

В ответ на статью Анны Корчуевой: в этих стихах никогда не было сквернословья или пошлости, лишь, может, легкая тень двусмысленности. Из тех самых щекотливых стишков помню отрывок:

*У моей у милой любушки,
Дорогой моей голубушки,
Губки цвета нежно-алого,
Стоит краска руб без малого...*

Далее происходило описание всех частей красоты этой любушки. Это на фоне ее

красивых и веселых дочерей, моих теток, выглядело замечательно.

Для меня так и остается загадкой, как можно было столько лет рассказывать сказки, не повторяясь. Уже в зрелом возрасте читал на сайте Пушкинского дома о ритме и системе создания сказок. Но чтобы это делать, все же нужен исключительный дар.

В мои летние приезды бабушка пыталась учить меня языкам. Усаживала читать книги на старорусском языке. Объясняла, что такое латынь и какие книги пишутся на ней. Рассказывала о финнах и финском языке. В итоге я понял позднее, что на латыни были медицинские книги. На старорусском – книги белой и черной магии. О некоторых фокусах я слышал от бабушки и соседского деда.

Тот самый дед, колдун, занимался поиском деревьев для изготовления лодок (по-

морская лодка в основании имела цельное дерево, сосну, у которой были соосны ствол, сук и корень. Долбилось, боковые доски вставлялись в распор и смолились. Такая лодка не рассыпалась на волне). Брал меня пару раз в лес. Мы долго бродили, и, наконец, он ставил метку, какое дерево надо брать. Деревенские мужики выкапывали и пускали сосну в дело. Конечно, я по малости был нерадивым учеником и при возможности удирал на берег моря. Конечно, и мысли не возникало делать записи.

У тетушек есть крупницы текста бабушкиных сказок, но сегодняшняя стремительная жизнь не позволяет нас остановить себя, собрать все воедино. Только старый дом в Вирме продолжает ждать детей, а теперь и внуков.

Владимир МИЛОВИДОВ,
Финляндия, Ювяскюля